

Александр
Накул

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ
СИЛИКАТНОГО
ПЕРЕУЛКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Накул Легенды и мифы Силикатного Переулка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68070962

SelfPub; 2022

Аннотация

С детства я любил всякие истории, которые проникают в самое сердце и учат настоящей жизни: “Бандитский Петербург”, например, “Бумер” или “Бригада”. Я даже довольно долго мечтал найти себя в этой профессии. Но когда закончил ВУЗ, понял, – критическое время упущено, прежние кореша либо сели, либо сделались цивильными людьми, и ни в одну серьезную бригаду меня уже не возьмут. Но любовь к всяким полезным историям осталось. Почему я излагаю эти истории сейчас? Да просто сел почитать Мракопедию и вдруг допёр, что у нас на районе и покруче бывало. О чём и излагаю.

Искренне ваш, Гриша с Силикатного, он же Пятый Троллейбус.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Бабка с Рейха	4
Когда спящий проснётся	6
Про Москита, Альбиноса и Либида	8
Жопа, тебе страшно?	10
Странные люди на турниках	11
Нехороший ларёк	13
В прямом эфире	15
Кукушки	16
Рукописи говорят	19
Гренуйская смерть	22
Проснулся в воде	24
Книжный беспредел	25

Александр Накул Легенды и мифы Силикатного Переулка

Бабка с Рейха

За парком Челюсти есть пустырь, где срут собаки, а дети взрывают петарды. А за пустырём – две угрюмые высоты без особых примет.

Эти высоты называют Рейх, потому что в советское время там жили фашисты. Но КГБ ничего не могло им сделать, потому что эти фашисты не захватывали Сталинград, не грабили героев войны. Они приходили на танцы, которые были тогда в Челюстях, и устраивали там эпическую драку. В ход шли даже прутья от забора и скамейки.

А менты им тоже ничего сделать не могли. Уж слишком много было среди этих фашистов мажоров разных мастей.

Со временем фашисты пропали, как и все малолетние банды позднего Союза. А название Рейх осталось.

И вот в той высоте, что ближе к мусоркам, умерла бабка, жуть какая старая. Даже звали её по-старушачьи – Октябри-на Сигизмундовна. А фамилия утрачена во мраке времён.

Никто толком не знал, были ли у неё родственники, чем

она занималась. Одни говорили, старушка была хорошая. Другие – что это она стояла возле универсама Рига и делала вид, что торгует семечками, а на самом деле толкала школьникам сигареты и всякую наркоту.

Короче, когда из её квартиры основательно завоняло, туда пришёл участковый. В тесной однокомнатной клетушке не нашлось ничего ценного или интересного, а вся мебель была ровесницей участкового и помнила ещё Леонида Ильича.

Но был один странный и необъяснимый факт.

Бабкин комод, стоявший у изголовья кровати, был распилен надвое. Причём правая половина, где бельё и простыни, осталась на месте, а левая половина, где наволочки и носовые платки, пропала без следа.

Распилен комод был идеально ровно, словно бы циркулярной пилой. Но соседи ничего такого не слышали. И никто не мог понять, зачем отпиливать и похищать только половину комода.

Дело возбуждать не стали – вдруг это не распил, а смелое дизайнерское решение. Но почему и как это случилось – до сих пор тайна, покрытая мраком.

Когда спящий проснётся

Поговорим о снах.

Мне как-то приснилось, что у нас в школе устроили дегустацию спиртных напитков. И в процессе дегустации особенно отличился мой одноклассник Шлемофон.

Но это весёлый сон. А бывали и похуже.

Сидим мы как-то на незнакомой хате и обмываем наше первое успешное дело. А Роллтон меня обнимает и божится, что он мой лучший друг и если у меня от мокрухи на душе призрак кошки поселится, то я могу ему всё это рассказать, чтобы полегчало.

Я смотрю ему за спину и вдруг замечаю, что моя тень не спешит с его тенью обниматься. А совсем напротив – стоит в сторонке и крутит тенью пальца у тени виска.

И тут-то до меня и дошло, что Роллтон – внедрённая крыса. Которая специально вытягивают через эту хитрость признания в сомнительных наших делах, а потом их товарищу майору докладывает. Чтобы как накроют, сели мы все на строгащ и надолго.

Я не потерял ни секунды. Тут же схватил нож и вогнал под ребро этому фраеру.

Роллтон завопил и повалился на пол, плюясь кровью. А остальная братва всполошилась, схватилась за стволы и если бы я нож не выпустил, то и кончили меня на месте.

– Он крыса был! – кричу. – Стукач вонючий! Гадом буду, если не так!

Наконец, переполох улёгся. И подал голос нас главный законник, суровый, как мой дед Селифан.

– Тихо! – сказал законник. – К порядку, босота! Может, Роллтон был и стукач. Но пусть Пятый Троллейбус обоснует свою предьяву.

Я поворачиваюсь к тени – а она тихонечко так трясётся, словно её смех разбирает.

И понял я, что ничего я доказать не смогу и никак мне больше тень не поможет. Потому что она и без меня проживёт, а я без неё – нет...

К счастью, это всё оказалось сном.

Про Москита, Альбиноса и Либидо

Я, как вы заметили, чувак продвинутый и образованный. “Колобка” всего прочитал, “Курочку Рябу” вообще наизусть знаю. Ну и среди родичей уважаемые люди попадают – вот тётка моя, Елена Диодоровна, вообще провизор в аптеке.

Но есть у нас на Силикатной и совсем конченные долбодятлы. Например, известная тройца: Москит, Альбинос и Либидо, чьё развитие остановилось на одной песне группы “Нирвана”. Они все трое долбанутые, – и каждый в своё сторону.

Допустим, у Москита есть корочка, в которую чётко прописано, что он с самого-самого детства – инвалид умственного труда. Каждый раз, ему нужно в Молодечно, он клянчит у матушки деньги, идёт на станцию, там предъявляет удостоверение и получает скидку, а на вырученные деньги покупает что-нибудь в дорогу. За счёт этого и туда и оттуда прибывает в жопу пьяным.

Успехи белобрысого Альбиноса тоже связаны с транспортом. Однажды он пропал на целую неделю – родители все морги обзвонили, наши все леса обшарили, а милиция уже хотела в республиканский розыск объявлять. Но за день до республиканского розыска Альбинос сам вернулся, безудержно весёлый, счастливый и пьяный похлеще Москита. Оказалось: месяц назад у него умерла столичная бабушка и Альбинос, не долго думая, двинул тудой автостопом. До-

бравшись, продал из её квартиры ковёр и телевизор, а на вырученные деньги непрерывно бухал два дня. И в процессе алкозаплыва даже видел несуществующих кошек.

Либи́до с транспортом почти не работает. Он, как легко догадаться, больше по медицинской части. Ещё в восьмом классе он почти всегда приходил в школу пьяным и мирно посапывал на задней парте. А в десятом достал колёс, которые полагалось принимать по четвертинке или в крайнем случае – половинку. Не знаю, где он их достал, никогда таким не интересовался. Но точно не через мою тётку Елену Диодоровну, она наркота за квартал чует. Может быть, через ту самую бабушку с Рейха, пока она ещё жива была.

Итак, колёса. Которые надо принимать по четвертинке или в крайнем случае – половинку. Либи́до не долго думая зажевал перед уроком две целых. На уроке посинел и брякнулся затылком на пол. Был поспешно госпитализирован. Откачали.

Как подумаю об этих упыряках – так мне сразу страшно становится. Как таких вообще земля носит?

Жопа, тебе страшно?

Дело было летом 2010 года. Мы с другом Роллтоном жрали Лидский пивас на берегу под почётным знаком МВД, а потом спустились к воде, чтобы отлить в камышах.

Я своё дело сделал, поворачиваюсь – Роллтон так и стоит расстёгнутый и куда-то пялится вдаль.

Я смотрю в ту же сторону и вижу, что на том берегу за деревьями поднимается как бы светящийся шар.

– Ты тоже увидел? – спрашиваю.

– Ага. А чего он мигает?

– Да не мигает он! – говорю я.

– Говорю тебе, мигает!

– Ты что, в глаза ебёшься? Не мигает он, ровно горит.

– Говорю тебе, мигает. Там что-то по азбуке Морзе. Ты ссышься признаться, потому что её не учил.

Так могло и до драки дойти. Но тут шар развернулся и мы увидели, что это никакой не шар, а самая настоящая Попова.

Странные люди на турниках

Однажды меня пробило на занятия спортом. Купил кеды *alibas*, к ним такие же полосатые штаны, толстовку и кепа-рик, чтоб соответствовать.

И с утраца – на пробежечку. По родному Силикатному, где фабрики дымные и труба нефтезавода с вечным огнём.

Первое время бодрило. А потом состоялась эта странная встреча.

Бегу я как-то, часиков в шесть, по Силикатному. И возле той лестницы, с которой много лет назад чуть не навернулся мой дед Селифан, я вижу странного чела.

Он тоже одет во что-то спортивное, коротко стриженный, морда сосредоточенная. Но под высоко стоящей шапкой угадывалось нечто, похожее очертаниями на петушиный гребень.

Этот незнакомец шёл к турникам. Там его уже ждала компания таких же – куртки и штаны у всех разные, но у каждого такая же шапка и под ней тоже вроде бы гребень.

– Ко-ко-ко! – сказал тот, что стоял под турником.

– Ко-ко-ко! – отозвался тот, которого я заметил первым.

А потом они включили на колонке трек Миши Маваша и принялись всей петушиной компанией вертеться на турниках в разные стороны.

Домой я бежал со спринтерской скоростью. Выкурил пач-

ку сиг и решил, что хватит с меня спорта.

Нехороший ларёк

А вот моего деда Селифана не спасли никакие вредные привычки.

Он был первый из нашей семьи, кто поселился на Силикатном. Работал на железной дороге и сам дымил, как паровоз.

И однажды зимним вечером у него закончились сигареты. Поскрёб дед Селифан по сусекам, и, под ворчание бабки, отправился по темноте к ларьку.

А до ларька было два километра.

Силикатный тогда ещё только начинали застраивать. И наша одинокая хрущёвка так и торчала островком советского быта среди каких-то недостроенных бараков, сараев и пакгаузов. А фонарей пока ещё не завезли.

Но дед отважно отправился в путь по заснеженной грязи Силикатного.

Наш дом стоит в такой как бы яме, так что к проезжей части надо подниматься по лестнице. Но лестницу за вечер прихватило льдом и уже на верхней ступеньке дед Селифан поскользнулся, чтобы неминуемо прокатиться вниз по обледенелым ступенькам и переломать себе ноги и пару рёбер.

– А вот вам нехер! – успел крикнуть дед, схватился за металлическое перило и избежал падения.

Потом, уже на улице к нему прицепилось что-то мутное,

похожее на тень кошки. Оно прыгало то справа, то слева в огнях проезжавших машин. Дед попытался от неё оторваться, но ничего не получилось. И он просто забил.

На перекрёстке, как раз возле ларька, дед заметил странного, высокого человека в длинном чёрном пальто и такой же чёрной шапочке. Этот человек стоял неподвижно, как памятник.

Дед Селифан подошёл поближе и к своему ужасу опознал странного человека. Это был парторг их паровозного депо, товарищ Буровский.

– Товарищ Струганов! – завопил парторг. – Вы не были на предпоследнем партсобрании! А на последнем вы храпели! Вы позорите пролетариат, товарищ Струганов! А что будет, если об этом узнают на Западе? Рабочие всего мира смотрят на нас с надеждой – а мы на партсобрании храповицкого давим! Партия это так не оставит, товарищ Струганов!

Дед надвинул ушанку поглубже, сделал вид, что ничего не услышал и заковылял дальше.

И вот ларёк уже совсем близко. Дед вскарабкался к нему через сугроб, наклонился, постучал в заиндевевое окошечко.

Окошечко открылось – и оттуда выскочил скелет!

В прямом эфире

Однажды мы набрали на даче яблок, запихали в багажник нашего побитого жизнью “Опеля”, который ещё в 1996 нам пригнали из Германии, – и поехали назад, на Силикатный.

По радио передавали стандартную поздравительную парашу: наша любимая бабушка Фрося Петровна, несмотря на свои годы, поёт в хоре и много работает на даче, передайте для неё пожалуйста песню “Старая мельница”.

И тут, внезапно, в прямом эфире:

– Пишет нам дед Селифан из Силикатного Переулка. Для моего любимого лоботряса Петеньки и его сынули Гришеньки, который Пятый Троллейбус, – передайте пожалуйста, что у вас, дундуков беловежских, из багажника яблоки падают. Ну и какую-нибудь хорошую песню.

Заиграло что-то очень древнее. А я повернулся к батю и увидел, что он тоже окаменевший от удивления.

Но я набрался храбрости и спросил.

– Так ведь дед Селифан умер давно. Кто тогда звонил?

Батя посмотрел на меня, как на пришельца...

Но про яблоки всё правда оказалось.

Кукушки

– Ах, никак не могу вспомнить фамилию того немца, от которого я без ума...

– Альцгеймер, бабушка!

Фрося, бабуля Роллтона – как раз такой случай. Из ума она уже выжила и очень скоро отправится вслед за Октябриной Сигизмундовной с Рейха. Но пока бабуся продолжает чудить, а родные выжидают, когда же им достанется её провонявшая однокомнатная квартира на Силикатном.

С бабой Фросей не соскучишься. То она звонит родственникам и говорит, что согласна на переезд – передайте это английской королеве. То утверждает, что её хочет ограбить какая-то банда по наводке внука. То рассказывает мусорным бакам во дворе, что её соседи сплошь проститутки, а один цыган из соседнего дома барыжит наркотой и состоит в ма-сонской ложе.

Однако недавно у бабы Фроси началось что-то настолько странное, что не лезло даже в рамки психиатрии. Откуда не возьмись в квартире начали появляться небольшие фарфоровые статуэтки в форме кукушек. Все эти статуэтки – разные, и ни на одной нет клейма завода изготовителя.

От бабушки Фроси так и не удалось добиться, где она их берёт. По её словам, эти статуэтки приносил ей некий Никита Фёдорович, очень приличный мужчина. А приходил этот

Никита Фёдорович из большого зеркала, что на старом трюмо в её комнате.

– Думаешь, квартиру тебе оставлю? – кричала бабушка на Роллтону. – Да никогда! Я что, не знаю? Я всё знаю, даже если не видела! Что ты с ворами связался, про одноклассниц твоих, проституток, про школу, где вы алкоголь дегустируете. Москит этот, Альбинос, Либино и прочая шпана подворотная. А приятель этот твой, Гриша Пятый Троллейбус – сразу видно: бандит! Никакой квартиры вы от меня не получите! А достанется она Никите Фёдоровичу! Он мне видишь каких кукушечек дарит?

Я, пока был этот разговор, ждал друга в коридоре и поэтому всё слышал.

Роллтон, хоть и догонял меньше меня, сразу смекнул, чем это пахнет. Шагнул осторожно из комнаты, прикрыл за собой дверь – а потом тут же засунул между ручкой и косяком ножку табуретки, которая в прихожей стояла. Чтобы бабка с той стороны открыть не могла.

Схватил телефон – старый ещё, дисковый, – и принялся набирать скорую помощь. Чтобы пятую бригаду вызвать и наконец-то бабу Фросю невменяемой признать.

– Так оно надежнее, – пояснил Роллтон, – Можно будет в дурку сбегать, ещё куда-нибудь. Сам видишь, что с ней. Продаст кому-нибудь квартиру за один рубль – всё, пиши пропало, на что жить будем?

Но ничего у нас не вышло. Потому что пока мы ждали пя-

тую бригаду, Никита Фёдорович выбрался из зеркала и помог бабе Фросе сбежать.

Рукописи говорят

Однажды в седьмом классе мы прочитали про Октябрьскую революцию и решили бороться с буржуазным влиянием. Для этого взяли кошелёк, привязали его к леске и выкинули на дорожку в парке Челюсти.

Видим – идёт какой-то мужик в синей куртке. Вот он заметил наш кошелёк, наклонился, чтобы поднять...

А мы с другом Роллтоном – дёрг за леску! И кошелёк исчезает в кустах.

Мужик – за ним. И начал ломиться через кусты прямо к нам. Об этом мы с Роллтоном как-то и не подумали...

– Убью, суки! Порежу!

Ну вот мы с другом Роллтоном и побежали. Мужик – следом за нами. Через весь парк и дальше, через заросли у литейного цеха прямо в лесной массив около Драйки.

Выносливый, гад, оказался.

Бежали мы через эту лесополосу очень долго. И были настолько перепуганы, что даже не догадались разделиться. А когда наконец расслышали, что погони больше нет, оказалось, что мы стоим в колючих кустах возле какой-то незнакомой поляны.

Посередине поляны возвышался шалашик из профнастила – в таком ожидаешь, что будет жить бомжик.

Мы подошли поближе. Хотелось проверить, можно ли там

заныкаться.

Заглянули внутрь и увидели, что в шалашике нет никого, только вонь разложения. А на полу раскиданы исписанные тетрадки.

Мы взяли несколько тетрадок и начали дальше блуждать по лесу, отыскивая путь домой. Наконец, нам удалось вернуться к железной дороге, и уже по ней вышли к цивилизованному месту.

Дома я забрался на родительский диван и принялся изучать тетрадку, которая досталась мне.

Уже с первых страниц стало ясно, что с головой у автора большие проблемы. Речь шла о каких-то космических рунах зи. Их форма была основана на форме зодиакальных созвездий – но не таких, как в атласе, а преобразованных их с помощью редких разделов геометрии Лобачевского. При этом зодиакальный круг надо было принять за ленту Мёбиуса, а форму галактики – за бутылку Клейна. Автор уверял, что овладевший тайной космических рун обретёт великое могущество...

Я бы может и узнал секрет великого могущества, хоть в геометрии и не шарю, но тут в комнату заглянул дед Селифан и сказал:

– Кончай филонить! У тебя уроки не сделаны!

И сказано это так внушительно, что я тут же побежал к себе в комнату, сел за стол, включил лампу и стал делать уроки. И только когда их закончил, вдруг вспомнил, что дед Се-

лифан умер много лет назад.

Я бросился обратно в комнату родителей, но тетрадки там уже не было. Как и деда Селифана.

Гренуйская смерть

У нас на колхозном рынке торговал один хитрожопый цыган. Этот гад жил тоже у нас на Силикатном, только в соседнем доме. Он придумал, как подзаработать на том, что народ хочет хамона, но совершенно в нём не разбирается.

Он ловил бродячих собак. Потом ночью утаскивал их на кладбище, что за железной дорогой и там разделывал. А прежде, чем перерезать глотку, пускал собаке кровь, чтобы мясо получилось розовым и ароматным.

Собаки, понятное дело, выли. Но жители Силикатного думали, что воют они сами по себе.

В корейской кухне собачье мясо неспроста считается деликатесом. Цыган толкал его под видом контрабандного хамона и не знал отбоя от покупателей. Всё равно никто на рынке не знал, как этот хамон правильно выглядит.

И вот однажды с утраца приволок он на рынок очередной запас своего собачьего хамона. А рынок стоит пустой, никого из продавцов ещё нет.

Ну и ладно, значит раньше закончит. Разложил своё мясо, смотрит – а на рынке и посетителей-то нет.

Вместо посетителей весь колхозный рынок заполнен собаками. И все на него смотрят, потому что за ним и пришли.

Набросились на него собаки – и разорвали на куски, а потом сожрали начисто, что и костей не осталось.

Я читал в газете “Совершенно секретно”, что такое называется – казнь по-гренуйски.

Проснулся в воде

История произошла с нашим соседом, по имени Игнатий Платонович. Когда он разводился, жена и три дочери отсудили у него и квартиру, и машину. А оставили только так и недостроенную двухэтажную дачу где-то в гребенях под Ельницей.

В первую ночь на новом месте Игнатий Платонович спал на надувном матрасе. Половину ночи он ворочался и придумывал планы мести. А потом уснул и увидел во сне несуществующую серию “Спасателей Малибу”.

Проснувшись, Игнатий Платонович обнаружил, что под ним мокро.

Что за чертовщина? Он проверил стены – там не подтекало. Посмотрел на потолок – но крышу делал мой батя и там тоже не было ни дырочки, ни щели.

Не было воды и вокруг надувного матраса. Только на нём самом. И тут Игнатий Платонович понял, что это он во сне обоссался.

Книжный беспредел

В седьмом классе соседка по парте научила меня, как гадать по книгам. Нужно бросить игральную кость два раза. Первое число будет цифрой для десятков, второе – единиц. Если взять книгу и открыть её на этой странице, то узнаешь своё будущее.

Я вернулся домой, достал мою блатную кость, вырезанную на зоне из ребра стукача (так мне продавец сказал, а я поверил). Выбросил раз, выбросил два, открыл книгу и начал читать.

“ – Мочи его! – заорал Хасан, и выхватил нож; в затуманенных гашишем глазах старого моджахеда полыхала адская ярость”.

Не понравилось мне это будущее. Я взял другую книгу и посмотрел на ту же страницу.

“А через какое-то время часть их возвращалась – трясущимися, облезшими, поседевшими, в гнойных, струпьях и язвах, с безумными стариковскими глазами и парализованными конечностями”.

Я взял третью.

“В фойе оперы творилось настоящее столпотворение: все кричали, толкались и перепихивались”.

Чё-т походу не то у меня с домашней библиотекой.